

Гао Линь...

Те люди у ворот были людьми Лян Юя. Обычно, когда Сын Неба подсылает соглядатаев к влиятельным сановникам, он изощряется, чтобы сделать это тайно, но Лян Юй действовал наоборот: этих здоровяков он выставил напоказ, ежеминутно предупреждая брата: «Посмеешь перечить или выкинуть штуку — вернёшься, и я тебе ноги переломаю». Прямо и ясно.

Лян Шу поправил одежду, выпил чашку чая и лишь тогда, заложив руки за спину, неспешно спустился вниз.

По обеим сторонам улицы ещё оставались горожане — раз уж делать нечего, решили позагорать тут же. Были и несколько милых смелых девушек, что изначально ждали, чтобы увидеть второго сына Лю в паланкине. Не дождались второго сына Лю, зато дождались князя.

Князя, конечно, нельзя было разглядывать как попало, девушки поспешно опустили головы в поклоне, лица алые, сердца колотятся, в голове — только что виденная сцена, как Лян Шу спускался по ступеням: против света лица не разглядеть, лишь мельком успели заметить узоры на рукавах, парча струилась, словно мириады цветов распускались, вельможная стать неукротима.

Заставив Лю Сюаньяня прождать у входа в гостиницу целый час, Лян Шу почувствовал себя чуть лучше. Подошёл к повозке, откинул занавеску:

— Ты...

Слова оборвались, потому что Лю Сюаньянь не ждал, а спал, спал крепко, удобно развалившись на мягкой подушке, правой рукой подпирая голову, в уголках губ даже играла улыбка, словно видел хороший сон, выглядело, что и ещё три-четыре часа подождать — не вопрос.

Лян Шу опустил занавеску и тыльной стороной рукояти меча громко стукнул по дверце повозки.

Бам!

Все вокруг вздрогнули, Лю Сюаньянь в повозке, естественно, тоже. Сердце его бешено заколотилось, он выпрямился, в глазах промелькнуло недоумение. Из-за толстых занавесок проникали лишь тонкие лучики света, в повозке лениво кружились пылинки, а вокруг стояла гробовая тишина.

По этому он заключил, что люди в гостинице, видимо, ещё не готовы, иначе, как только войска тронутся, такой тишины уж точно не будет.

Видно, это был просто неважный сон.

Второй сын Лю сменил позу, закрыл глаза и продолжил спать.

Те, что снаружи повозки, были весьма поражены.

Неужели не проснулся? Или проснулся, но выходить не хочет?

Слуга Лю Сюаньяня, видя эту бестактную сцену, тоже заволновался. Хотел подойти разбудить своего господина, но не посмел — ведь князь всё ещё стоял перед повозкой. Пришлось

отчаянно бросать умоляющие взгляды на вице-генерала Гао.

Гао Линь понизил голос:

— Что это за манера у вашего господина?

— Никакой манеры нет. — Слуга поспешно ответил. — Мой господин просто любит поспать. Даже гром не шелохнёт, нужно сильно трясти, чтобы проснулся.

Гао Линь ещё размышлял, как сгладить ситуацию, а Лян Шу с той стороны уже широко шагнул и, согнувшись, сел в повозку.

Вся ситуация тут же стала ещё более странной.

Слуга остолбенел:

— Князь вошёл внутрь... А я... могу ещё служить господину?

У Гао Линя голова раскалывалась. Он велел слугу пока устроить в другом месте, а сам встал на лошадь, сопровождая повозку Лю Сюаньаня, и долго «кхем-кхем» прочищал горло, словно старик выбивающий трубку, — напоминая своему князю, чтобы не перебарщивал.

Одновременно нужно было объяснять людям императора: князь так неистово рвётся поболтать с господином Лю, наверное, потому что спешит жениться; а ну-ка, все немедленно трогаемся, не задерживаемся.

Так обоз с грохотом и выехал из города Белого Журавля.

Поскольку князь вёл беседу, все старались сохранять тишину, не издавая лишних звуков.

Лю Сюаньань же всё это время мирно спал.

Его дух свободно странствовал в бескрайних полях.

Совсем не знал, что в повозке появился ещё один человек.

Чжуан-цзы когда-то видел во сне бабочку, живо порхающую, не ведая, что он — Чжоу.

Второй сын Лю тоже видел сны: взлетал на небо, странствовал в великой пустоте, паря поверх всего сущего.

Спал он на самом деле не очень крепко, особенно днём — сон был поверхностный, и, хоть глаза закрыты, окружающие звуки слышал процентов на семьдесят-восемьдесят. Почему же слуга никак не мог его растолкать? Главным образом потому, что второй сын Лю не хотел просыпаться. Мир в его голове был слишком велик, солнце и луна сияли ослепительно, и он часто, сам не замечая, ступал в пустые таинственные земли, потому не слышать окликов слуги — дело вполне обычное.

На полпути повозка немного подбросило, Лю Сюаньань закрытыми глазами сменил позу. Одежда на нём была не столь роскошной и изысканной, как у Лян Шу, раз уж ехал в дальние края, то как удобнее, так и оделся: просторный, тонкий и мягкий старый халат, ворот полуоткрыт. На другом, возможно, выглядело бы неприлично, но на нём — обретало долю бессмертного духа, лёгкое, словно облачко, парящее на зелёной бамбуковой верхушке.

Лян Шу сидел напротив, взгляд скользнул от его бровей и глаз вниз, к маленькой, словно зёрнышко кунжута, родинке на кадыке. Он знал, что его вторая сестра всегда любила собирать красивые вещи, в её дворце всё, от чашек и тарелок до служанок и стражников, было прекрасно, даже в цветнике не сыскать было обычной травинки. Раз уж она выбирала самое красивое в Поднебесной, то её недавние слёзы и истерики с требованием выйти замуж за этого спящего бессмертного перед глазами были вполне понятны.

Повозочные занавески задерживали свет, делая внутреннее пространство ещё более замкнутым. Аромат сандалового дерева, исходивший от Лян Шу, изначально едва уловимый, постепенно становился гуще. Этот незнакомый запах наконец заставил парящего в небесах второго сына Лю слегка пошевелить носом, смутно почувствовав, что сегодняшней сон как-то не так идёт.

Его ресницы слегка задрожали, по виду он пытался проснуться, как раз в этот момент колёса сильно подбросило вверх! Внезапно сместившийся центр тяжести заставил Лю Сюанья всем телом покатиться вперёд, он коротко вскрикнул и открыл глаза! В ключевой момент Лян Шу одной рукой развернул длинный меч, рукоятью преградив ему путь у плеча, и вновь усадил человека на сиденье.

Лю Сюаньянь, ещё не оправившись от испуга, неоконченный безумный сон смешивался с тёмным пространством перед глазами, он долго не мог прийти в себя, только чувствовал, как сердце колотится, отдаваясь гулом в голове. А ещё больше потрясло то, что после рассеивания снов он обнаружил у своей шеи меч.

Длинный-предлинный меч, рукоять красно-чёрная, ножны потёртые.

Взгляд скользнул дальше — к человеку, державшему меч.

Мерцающий свет в повозке делал эту сцену ещё более нереальной, большая часть лица Лян Шу тонула в тених, зрачки его были светлее, чем у обычных людей, похожие на глаза какого-то свирепого пустынного зверя. Хотя на нём были роскошные одежды, Лю Сюаньянь всё же остро ощущал исходящую от него убийственную ауру — ту, что годами пропитывалась на поле боя, обволакивалась грубыми песками северо-запада, аромат сандала, какой бы густой ни был, не мог заглушить этот кровавый запах.

... Ваше высочество князь Сяо.

Лю Сюаньянь отвёл взгляд, хотел встать и поклониться, но повозка как назло снова подбросила, Лян Шу вновь рукоятью меча придавил пошатнувшегося человека:

— Сиди.

— Благодарю, ваше высочество. — Лю Сюаньянь ухватился за подлокотник. Он не очень понимал: почему перед отправкой никто не известил? И ещё: разве у этого князя не было другой повозки? Зачем тут тесниться? И куда подевался его слуга?

Мир Лян Шу не существовал в трёх тысячах путей Дао второго сына Лю, потому он на мгновение, чего с ним редко бывало, растерялся.

Так они и сидели друг против друга в движущейся повозке, каждый молчал, и Лю Сюаньянь невольно вспомнил прошлогодний новогодний семейный ужин, где его дядя и тётя, единые внешне, но разобщённые внутренне, готовы были, разделив имущество, разойтись в разные стороны.

Лян Шу же не торопился: от города Белого Журавля до горы Укрощённого Тигра ещё минимум дней десять пути, времени чтобы потихоньку развлечься за его счёт, — хоть отбавляй.

Забрать человека из дома лишь из-за нескольких слов, сказанных в чайной, — поступок, безусловно, скверный, но его высочество князь Сяо с детства натворил дел и похуже, придворные старцы с седыми бородами до сих пор, вспоминая прошлое, принимают вид готовых разбить голову о землю в смертельном увещании, так что такая мелочь и в ряд не станет.

Повозка продолжала ехать, покачиваясь, поскрипывая, в полумраке.

В этой усыпляющей обстановке веки Лю Сюаньяня вновь отяжелели, голова время от времени клевала, всё тело покачивалось.

Лян Шу краем глаза глянул в окно, увидел, что впереди идущие повозки уже остановились у придорожной чайной, и тоже поднялся, покидая повозку.

Кучер, увидев это, натянул поводья:

— Тпру-у-у!

Лошадиные копыта затормозили на месте, повозка по инерции ещё проехала немного, Лян Шу, как и ожидал, услышал из повозки «бум», а потом звук втягивания воздуха.

— Ой, господин! — Кучер поспешил внутрь помочь ему подняться. — Всё в порядке?

<http://bllate.org/book/16268/1464040>